

Сергей Матвеев

Прогулка со «святым Симонием», или заметки о проблемах научного перевода¹

Возле города Пекина ходят-бродят хунвейбины.
И старинные картины ищут-рыщут хунвейбины.
И не то чтоб хунвейбины любят статуи, картины,
Вместо статуй будут урны революции культурной.

Владимир Высоцкий

Медленно, но верно сокращается разрыв в распространении научного знания между национальными академическими сообществами. Разрозненные его островки, повинуясь процессам глобализации и вестернизации, стягиваются в своеобразную республику ученых, нечто в духе города Солнца Томмазо Кампанеллы. Способствуют этому как современные средства коммуникации, так и конвенциональное принятие английского языка в качестве универсального средства общения. Вместе с этим сжимается многократно раскритикованная российскими учеными временная лакуна между выходом знаковых книг на языке оригинала и их переводом на русский. Ее появление относится к советскому периоду, когда переводы определялись идеологическими допусками и пропусками, что серьезно сократило шансы идейных конкурентов Маркса и его интерпретаторов быть опубликованными в стране победившего социализма. На фоне слабого интереса к профессиональному изучению иностранных языков в широких научных кругах ситуация железного занавеса в политике дублировалась в социальных и гуманитарных науках, смещая их на периферию общемировых тенденций.

1. Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

До 1917 г. картина была иной, и это известно каждому, кто работал с классическими источниками или западной историографией XIX в. Издание иностранной научной литературы в дореволюционной России было настолько развито и востребовано, что переводились не только классики, но и авторы второго ряда, причем нередко было несколько вариантов перевода одной книги в течение небольшого времени. На протяжении XX в. русскоязычный читатель европейских средневековых авторов, романтиков и идеологов предшествующего столетия пользовался дореволюционными переводами и изданиями, а также оригиналами, сохранившимися зачастую и в провинциальных библиотеках. Однако необходимо признать два несомненных достоинства советских переводных изданий. Во-первых, это многотысячные тиражи, которые доходили до самых отдаленных библиотек благодаря централизованной системе их распространения. Во-вторых, профессионализм и аккуратность переводов, высокий уровень квалификации переводчиков и научных редакторов и, как следствие, формирование и поддержание конвенций относительно транслитерации имен, терминов и названий. Правда, проверить последнее до перестройки было непросто ввиду отсутствия оригиналов в открытом доступе.

Подготовка и выпуск в свет научных переводов в современной России обладают своей спецификой и определенным сходством с дореволюционной традицией. Например, снова налицо увеличение количества издательств и уменьшение тиражей. Среди первоочередных была задача заполнения огромных пробелов в области теории социальных и гуманитарных наук, где издание книг практически не поддается регулированию рыночными механизмами, поскольку многочисленные представители профессионального сообщества не могли до определенного времени сформировать удовлетворительный спрос. В 1990-е гг. эта проблема решалась с помощью международных проектов, в частности, «Translation Project»

(Фонд Сороса), в цели которого входило «создание библиотеки классической и современной литературы по гуманитарным и социальным наукам, доступной студентам, преподавателям и ученым, образующим интеллектуальное ядро российского общества»², или программы «Пушкин», которую реализовало посольство Франции в России³. Сегодня положение не столь критично, что позволяет говорить о формировании повседневной рабочей обстановки перевода и выпуска научной литературы, зарождении новой культуры книгоиздания и академического чтения.

Четыре года отделяют англоязычное и русское издание интересной и востребованной книги «Глобальная история современной историографии»⁴, авторы Георг Иггерс и Эдвард Ван при участии Суприи Мукерджи. Подходы и идеи, предложенные авторами, уже более десятилетия витали в интеллектуальном пространстве социальных наук и значительно раньше появились в пространстве политическом. Речь идет главным образом о связи историописания и исторического сознания с двумя общемировыми тенденциями, игнорирование которых в научной среде стало невозможным. Первая из них — глобализация, начальная стадия которой относится, по мнению авторов, к XV–XVI вв. Настоящий процесс в историографическом фокусе имеет траекторию параболы с тремя ключевыми точками: начало западной колонизации и знакомство с «неповторимой культурой Востока», господство Запада над Востоком и презрение к «неполноценным колониям» и, наконец, политическая деколонизация и отказ от европоцентризма. Вторая особенность — модернизация в форме вестернизации, повлиявшая на унификацию исследовательских методов, стиля и мышления в исторической науке в рамках различных, до определенного времени самобытных, академических традиций. Среди прочих достоинств книги, способных заинтересовать специалиста, стоит отметить множество подстрочных сносок, которые уже сами по себе способны сориентировать

2. Савельева И. М. Translation Project и интеллектуальный климат в России [Электронный ресурс]. URL: <http://igiti.hse.ru/Editions/TP/Article> (дата обращения: 11.05.2018).

3. Программа содействия издательскому делу «Пушкин» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.institutfrancais.ru/ru/russie/smotret-chitat-slushat/knigi/podderzhka-knigozdaniya/programma-pushkin?mois=3&annee=2018&antenne=All> (дата обращения: 20.02.2018).

4. Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии / при участии С. Мукерджи; пер. с англ. О. Воробьевой; науч. ред. М. Кукарцева. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 432 с.

в проблеме изученности вопроса, а также открыть малоизвестные пласты национальных историографий.

Однако в задачи настоящей рецензии не входит анализ работы Г. Иггерса и Э. Вана, который, наряду с комментариями, можно найти в тексте И. О. Дементьева⁵. Русскоязычное издание, вышедшее в «Канон+», настолько своеобразно, что требует отдельного внимания.

Заголовок настоящей рецензии анонсирует прогулку по страницам книги. Однако мы имеем дело с тем редким случаем, когда путь необходимо начать не с основного текста, а буквально с обложки. И дело не в планете Земля, изображенной на переплете в форме куба, хотя в качестве символа издания было бы сложно подыскать менее подходящий визуальный образ, соль же в фамилии одного из авторов, некоего Э. Янга, который в такой транслитерации фигурирует исключительно на обложке, а в библиографическом описании мистическим образом превращается в известного китайского историка Э. Вана. Очевидно, что проблема в неожиданной неоднозначности вариантов транслитерации имени, которое на английском языке пишется как «Wang», и в невнимательности людей, причастных к изданию и допустивших два различных варианта написания имени одного из авторов монографии. Забавная метаморфоза способна поднять настроение заметившего ее читателя и заострить внимание для поиска дальнейших ловушек в русскоязычном издании книги «Глобальная история современной историографии».

От традиционной вступительной статьи научного редактора имеющей резонанс книги (в данном случае это профессор М. А. Кукарцева) обычно ожидают рафинированного изложения проблем, затронутых на страницах монографии или связанных с ней. И первая часть текста под заглавием «Глобализация, модернизация и мировая историография» оправдывает ожидания. Странности начинаются, когда М. А. Кукарцева пишет о том, как авторы «вскользь» упоминают знаменитый

5. Дементьев И. О. От истории без имен к историографии с именами [Электронный ресурс]. URL: <http://gefiter.ru/archive/6099> (дата обращения: 11.05.2018).

доклад и статью Питера Бёрка «Западное историческое мышление в глобальной перспективе»⁶. Вероятно, редактор, предполагая поверхностное знакомство русскоязычных читателей с работой известного английского историка, руководствовался желанием расширить познавательный горизонт и решил уже «не вскользь» привести все десять тезисов П. Бёрка, забывая при этом о необходимости брать цитаты в кавычки и использовать французскую транскрипцию, принятую в нашей традиции, для написания французских имен, дабы и ныне здравствующий Франсуа Артог не превратился во «Френсиса Хартога» (с. 12). Взыскательная публика может также поупражняться в сличении английского оригинала тезисов и той четверти вступительной статьи, где содержится их парафраз и копипаст. Отсутствие статьи П. Бёрка на русском языке вряд ли оправдывает такой способ ее частичной презентации.

Уже упомянутый вопрос транслитерации имен в русском переводе книги заслуживает отдельного внимания хотя бы благодаря удивительному по своей курьезности казусу, который заключается в появлении некоего «святого Симония» на сотой странице книги. Исходя из контекста, этот «святой» персонаж, будучи современником О. Конта, рефлексировал на тему глубокого кризиса современного мира, «проявлениями которого являются индивидуализм и отсутствие веры в единство» (с. 100). Мысль эта в целом была бы, наверное, близка ученику Иисуса Христа святому Симону Кананиту, но едва ли он мог оказаться современником О. Конта и стать персонажем главы «Наступление национализма и националистическая история». Очевидно, что «святым Симонием» стал не кто иной, как основатель школы утопического социализма Анри Сен-Симон, чье французское имя *Saint Simon* некоторые интернет-переводчики транслитерируют как «святой Саймон» или «святой Симоний». Подобную ошибку может допустить человек, не владеющий азами французской транскрипции и не утруждающий себя работой со словарями. Даже в советское время, несмотря

6. *Burke P. Western Historical Thinking in a Global Perspective – 10 Theses // Western Historical Thinking: An Inter-cultural Debate / ed. J. Rüsen. New York; Oxford, 2002. P. 15–30.*

на упомянутый разрыв в переводческой традиции и катастрофически малое количество переводов, кажется, любой гуманитарий знал о Сен-Симоне и мог правильно написать это имя.

Изобилие прочих подобных примеров позволяет убедиться в том, что мы имеем дело именно с проблемой профессионализма. То и дело появляются «Джозеф де Местр» (с. 90) вместо Жозефа де Местра, «Джозеф Рейнауд» (с. 111) вместо Жозефа Рено, «Джордж Сорель» (с. 202) вместо Жоржа Сореля, коверкаются имена и относительно современных историков. Упомянтому выше Франсуа Артогу компанию составил Робер Мандру, который, как можно догадаться, стал «Робертом» (с. 288) и, как догадаться сложнее, «Мандроу». Причем на русском языке работы этого представителя школы Анналов несколько раз издавались, и традиция транслитерации его имени в профессиональных кругах устоялась. По какой-то причине в имени Макиавелли удвоили не «л», а «к» и получился «Маккиавели» (с. 11). Немецкий историк Генрих фон Трейчке стал «Трольчке» (с. 198), что непременно повеселит любителей социальных сетей и Ютуба. Этьен Кондильяк на странице 44 предстал как «Кондиллак» (Condillac). Исключительно вариативным стало написание имени Питера Бёрка: «Петер Бёрк» (с. 9), «Питер Бёрк» (с. 282), «Питер Берк» (с. 283). Самыми безобидными ошибками были казусы, связанные с неверным порядком имен, даже очень знаменитых, например, «Георг Фридрих Вильгельм Гегель» (с. 30), а не Георг Вильгельм Фридрих Гегель. Настоящий список можно продолжать до тоски долго. Для объяснения получившейся картины можно использовать несколько гипотез. Либо переводчик и / или редактор сознательно рушат конвенции, которые до недавнего времени всех устраивали, либо научный редактор не нашел свободного времени для чтения книги, либо всему виной банальное невежество.

Нельзя не сказать о присутствии признаков неосведомленности переводчика и редактора относительно не только

имен, но и сложившейся в российской науке традиции транслитерации целого ряда технических терминов и заглавий. Об этом пишет в своей рецензии и И. О. Дементьев, заметивший, что статья Канта «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» получила новое название «Идея всеобщей истории с космополитической точки зрения», а «Спор о древних и новых» (сборник материалов дискуссии XVII в. был выпущен издательством «Искусство» еще в 1985 г.) на странице 53 предстал как «знаменитый "Спор древних и современных"»⁷. Розеттский камень, известный большинству еще из традиционного курса «История древнего мира», преподающегося в пятом классе, обрел нелепое для русского языка наименование «Розетта Стоун» (с. 105). Соглашаясь с навязыванием такой манеры перевода, мы признаем несостоятельность русского языка, который не обладает достаточным потенциалом для передачи с помощью своих ресурсов знаков английской письменности. Без сомнения, перевод обладает значительной творческой силой и способен обогатить язык, вводя новые слова в контексте практики их употребления, однако заимствование должно быть оправданным и не чрезмерным. Речь не идет о нежелательности калькирования новых понятий, имеющих авторский оттенок или обладающих определенной самобытностью, речь идет о наличии конвенционально принятой и устоявшейся традиции перевода, нарушение которой вызывает путаницу и умножает сущности. Таким образом, переводчик и научный редактор не вправе забывать, что язык социальных наук строится на понятиях, которые принимаются или отвергаются академическим сообществом.

Дополняет совсем не радужную картину чрезмерное для серьезного издания количество банальных опечаток, орфографических ошибок и стилистических погрешностей. Для понимания общей картины бедствия достаточно привести несколько частных случаев. Например, «конструкт, соединившие в себе» (с. 10), «давняя традиция западной историографии, бёрущая

7. Дементьев И. О. От истории без имен к историографии с именами.

начало еще у Като» (с. 10). К слову, Като здесь не японский наместник периода Эдо, не японский философ и теоретик государства, не японский литературный критик, даже не японский футболист, полузащитник (такие варианты предлагает Википедия) и вообще не японец, а римлянин Марк Порций Катон. Далее, «наука находились» (с. 14), «не существовавшие так таковые» (с. 24), «герменевтика не удовлетворяло» (с. 47). Забавная и неприличная метаморфоза приключилась с неблагозвучным для русского уха словом «хунвейбины» (с. 276) — получилось, как в песне Владимира Высоцкого:

И ведь главное, знаю отлично я,
Как они произносятся,
Но что-то весьма неприличное
На язык ко мне просится,
Хунвейбины.

Трудно не заметить школьные ошибки из курса иностранного языка: «Но, когда понятия «народ» (во французском *peuple*)...» (с. 54). В действительности во французском народ — «*peuple*». В подстрочном примечании научного редактора «*fin de siècle*» переводится с «итальянского» как «рубеж веков» (с. 178), но даже непрофессионал, не знающий французского (а выражение именно на французском), сможет понять, что «*fin de siècle*» — это «конец века», и лишь применительно к концу XIX в. выражение может пониматься как устойчивый термин для обозначения смены идейно-культурных ориентаций. Присутствуют и просто странные сочетания, например, «в Пруссии после ее поражения наполеоновскими войсками» (с. 88) или «среди ранних мусульман появляются два вида исторической литературы» (с. 57), «Гун Цзы-чжэнь and Вэй Юань» (с. 159) и так далее.

Перечисленные недостатки создают в целом мрачное впечатление от перевода — впечатление небрежно и наспех сделанной работы, исполнители которой, выражаясь словами С. Глейзер, «погибли на бранном поле перевода»⁸. Это тем более

8. Glazer S. Lost in Translation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2004/08/22/books/essay-lost-in-translation.html> (дата обращения: 11.05.2018).

обидно, что сама книга представляет важное и интересное исследование, востребованное в русскоязычной академической среде. Справедливости ради необходимо признать, что текст перевода в целом литературный и понятный, но дьявол, как всегда, в деталях, о которых уже сказано немало. Автор первой рецензии на книгу, И. О. Дементьев, несмотря на все недочеты перевода монографии, призывает читать ее. И выбор, к сожалению, небольшой, поскольку новый перевод или отредактированное переиздание являются мечтой несбыточной, лучшим выходом была бы трата времени на поиск английской версии. Читатели, которые все же решили работать с русскоязычным изданием, должны понимать: читая, а тем более цитируя «Глобальную историю современной историографии», они используют текст, полный опасностей и глупости.

Так или иначе, книга попала в русскоязычную академическую среду. Она неизбежно будет востребована, поскольку в России десятки тысяч преподавателей общественных и гуманитарных дисциплин, но, по данным опросов начала века (2001), не более 10% из них знают хотя бы один иностранный язык, и далеко не все могут приобретать книги западных авторов в оригинале⁹. Целые поколения русскоязычных студентов и специалистов рискуют узнать о работе Г. Иггерса и Э. Вана через дурное издание, серьезно искажившее оригинал.

Принимая во внимание растущую сложность научных текстов, в качестве основной задачи редакторов и издателей можно назвать необходимость поиска переводчиков-профессионалов, которые способны выполнить свою работу точно и качественно. Такой профессионал должен не просто специализироваться на отдельной отрасли знания и сам заниматься наукой, но, как в случае с социальными и гуманитарными дисциплинами, устанавливать хронологические и географические рамки своей ответственности, удаление от которых сопряжено с понижением профессиональной компетенции. Переводчик в социальных науках должен владеть «языком»

9. Савельева И. М. Translation Project и интеллектуальный климат в России.

дисциплины, текст по которой он переводит, так же хорошо, как и языком, с которого он переводит. При отсутствии внутреннего самоконтроля организующим фактором могло бы стать институциональное объединение переводчиков, несущее корпоративную ответственность за выполненную работу. Однако реализация подобного проекта в ближайшее время маловероятна, следовательно, научному сообществу остается лишь бороться за адекватность информации, которую транслируют его представители в роли научных редакторов.

Матвеев Сергей Рафисович

*Кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Поletaева, НИУ «Высшая школа экономики» (Москва)
smatveev@hse.ru*

Прогулка со «святым Симонием», или заметки о проблемах научного перевода

В тексте рассматриваются проблемы научного перевода в социальных и гуманитарных науках на примере российского издания книги «Глобальная история современной историографии». Затрагиваются вопросы академических конвенций и профессиональной ответственности авторов перевода.

Ключевые слова: историография; рецензия; научный перевод; транслитерация; редакция; академическая традиция; издательское дело.

Sergei Matveev

*Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Research Fellow of Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities; National Research University "Higher School of Economics" (Moscow)
smatveev@hse.ru.*

A Walk with Saint Simon, or Notes about Problems of the Scholarly Translation

The text considers the problem of the scientific translation in social sciences and humanities on the example of the Russian issue of the book *A Global History of Modern Historiography*. The text also reflects on issues of academic conventions and professional responsibility of the translators.

Key words: Historiography; Review; Scholarly Translation; Editing; Transliteration; Academic Tradition; Publishing.